

ПРЕЛЮДИЯ СИМФОНИИ РАЗРУШЕНИЯ

Почему-то принято считать, что говорить правду легко и приятно; возможно, иногда так и бывает, но не в этот раз. История разгрома православия и уничтожения Украинской православной церкви (УПЦ) состоит из набора очевидных фактов. Но никто не хочет задумываться над тем, почему так произошло. И прежде чем мы с вами начнем обсуждать этот вопрос, давайте расставим все точки над «і». Почему это вообще стало возможным? Да потому, что мы с вами находимся в плену собственных иллюзий. Что для нас православие? Первое, что приходит на ум, — образы, созданные Федором Михайловичем Достоевским. А если речь заходит о православии на Украине, сразу вспоминается, скажем, Александр Сергеевич Пушкин: крестьянка варит варе-

нье, за окном раздается колокольный звон. Благостная картинка. Но православие уже давным-давно таким не является. Более того, вопреки расхожему мнению, кризис православия случился совсем не с приходом большевиков, и Емельян Ярославский* здесь тоже ни при чем.

Кризис православия начался в конце XIX века. Вспомним слова Раскольникова из «Преступления и наказания» Достоевского: «Тварь ли я дрожащая или право имею?» Это позиция не литературного героя, не отдельного человека, а значительной части общества того времени. Уже тогда многие миряне отошли от канонов православия, и позиции этого религиозного направления пошатнулись. Поначалу это было почти не заметно: на первый взгляд, все шло как положено. Но на самом деле происходили и такие явления, которые русская

* Емельян Ярославский — один из главных идеологов антирелигиозной политики советского руководства. Вошел в новейшую историю как «воинствующий безбожник».

интеллигенция очень долго не хотела замечать. А если и замечала, то умудрялась находить слова, чтобы все оправдать и даже одобрить. Последствия подобного отношения оказались страшными: люди решили, что террор может быть оправданным средством достижения целей. То есть в обществе параллельно существовали две парадигмы: с одной стороны, десять заповедей Христовых, одна из которых гласит: «Не убий», а с другой — абсолютное безбожие, своего рода «разрешение» на убийство, которое вылилось в террор народовольчества, а затем и партии социалистов-революционеров, или эсэров. И что самое интересное, безбожие вызывало симпатию! В это сложно поверить, но, например, в начале Первой русской революции* многие священники симпатизировали террористам. Вероятно, сейчас вы возмутились: «Не может быть?! Священник, проповедующий православные ценности, не может поддерживать терроризм!» Я вам больше скажу: один из свя-

* Революция 1905 года.

щенников* даже стал депутатом Государственной думы от фракции кадетов, т. е. конституционных демократов. Он призывал понять и, может быть, даже простить террористов. Все это показывает, насколько серьезный кризис переживало российское общество. Но такова была действительность в начале XX века.

Параллельно существовало черносотенное движение (черносотенцы) — Союз русского народа, Союз Михаила Архангела и др., — которое было насквозь религиозным и вроде бы поддерживало монархию. Черносотенцы присягали на верность государю императору, но в результате оказались предателями: они не сделали ничего ни для спасения самодержавной монархии, ни для спасения царской семьи. И, кстати, множество черносотенных союзов находилось на террито-

* Речь идет об Александре Викторовиче Архипове (священник, депутат II Государственной думы Российской империи от Оренбургской губернии (1907)).

рии Малороссии (территория современной Украины).

Наблюдая за происходящим, обычному человеку было сложно сохранить свои православные идеалы и убеждения — «тренды» тогда были другие, а люди вообще очень падки на моду. Представители духовенства могли вести абсолютно правильные проповеди, проводить молебны во славу русского оружия, но авторитет священников померк после Февральской революции. В революционном угаре все пошло на слом. Чего стоит один только факт, когда из окна Синода выкинули кресло государя императора. Но пресловутый революционный угар не мог появиться просто так — значит, общество было к этому готово. Точно так же и в наше время объективные реалии подготовили почву для майданов 2004 и 2014 годов — глупо это отрицать. Конечно, у нас есть определенные политики, которые искренне полагают, что никаких предпосылок не было. Они не правы. Основной причиной майданов послужило размытие идеалов, на которых строилось общество.

Нечто подобное имело место и в 1917 году. Произошла полная подмена понятий: священник с красным революционным бантом — это же богоборец и никак иначе. Очевидно, что общество в 1917 году было разрознено. В Москве и Петрограде, в Ростове и Киеве, в Кишиневе и Одессе православная церковь перестала играть ту роль, которую играла веками. Спорить о том, почему так произошло, можно бесконечно долго, и у каждого найдутся свои аргументы, но суть от этого не меняется: наша страна переживала очень серьезный кризис православия. На этой волне прежняя идеология сменилась новой, которую принесли большевики, и церкви в ее прежнем виде уже места не оказалось. Во время Гражданской войны многие священники (например, епископ Антоний Храповицкий) заняли принципиальную позицию: они поддерживали белое движение. А многие — нет. И это тоже свидетельствует о кризисе православия. Когда тебе объявляют о том, что религии как таковой больше нет, а ты, будучи священником, с этим соглашаешься, про-

исходит раскол. Потом церковные лидеры уехали в эмиграцию, где произошло слияние политической и религиозной оппозиции. А на территории Советского Союза были запущены другие процессы: появился союз воинствующих безбожников.

Многие спросят: «При чем здесь Украина?» Дело в том, что религиозное чувство, о котором все стали говорить, глядя на то, как уничтожается УПЦ, по факту отсутствует уже лет сто. На смену ему пришли другие мессианские идеи: большевики подменили православие своей идеологией. Потом они вспомнят про десять заповедей, и появится «Моральный кодекс строителя коммунизма». Почему глава КПРФ Зюганов постоянно говорит, что Христос был первым большевиком? Потому что многие коммунистические идеи были заимствованы из православия. Но ведь коммунизм — это совсем не православие, не правда ли? Это нечто иное. Так вот, православная составляющая с каждым годом становилась все меньше и меньше. Храмы закрывались,

священников репрессировали, молодежь воспитывалась не просто вне православных традиций, а в ярко выраженной борьбе с религией. Сколько тысяч советских людей входило в Союз воинствующих безбожников! И это ведь люди, которые родились в России: русские, украинцы, молдаване, армяне, грузины. Да, государство поощряло атеизм, имели место преследования священников, церкви под склады переделывали, но мы же говорим не о создании условий, а о православном чувстве. Большевики пытались отодвинуть православие на второй план: они дали народу другую веру, и народ за ними пошел. Это значит, что у народа тоже были вопросы к священникам. Глупо это отрицать.

Потом началась Великая Отечественная война. Немцы назло Советам стали восстанавливать храмы, а священники, которые приехали из эмиграции, пошли в них служить. Делалось это не по доброте душевной — просто Германия использовала против большевиков все, что могла.